

Т. И. Пороховская
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕННОСТЬ И КАК ИНСТРУМЕНТ
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Фундаментальной ценностью глобализирующегося мира являются права человека. С принятием в ООН Всеобщей декларации прав человека от 1948 г. и Конвенции о правах человека от 1966 г. права человека приобретают официальный статус и начинают играть роль общечеловеческой морали. Однако если в 1970-х гг. права человека рассматривались в качестве неких самоочевидных истин, минимальной морали, которую западный мир противопоставлял советской идеологии, то в настоящее время права человека стали «идеологическим каркасом глобализации» [Бенуа 2015: 10], «основанием всех обществ» (Кофи Аннан), «всемирной секулярной религией» (Эли Визель). Эта идеологическая парадигма по существу вытеснила, заменила просвещенческую с ее идеалами свободы, равенства, братства и справедливости. Более того, права человека, которые теоретически основываются на принципе терпимости, превратившись в догму, абсолют, теперь уже не допускают никакой терпимости, никакой критики, никакой другой идеологии рядом с собой. И если идеи социальной справедливости – в форме ли христианской справедливости, социалистической идеи или в форме общества всеобщего благосостояния – освещали путь усовершенствования общественной жизни, то посредством концепции прав человека консервируется уже существующий социальный порядок.

Ален Бадью справедливо замечает, что права человека – это прежде всего права на не-Зло: право человека не подвергаться притеснению и агрессии (убийствам, казням, пыткам, репрессиям), не испытывать голода, не подвергаться унижениям и т. д. [Бадью 2006: 24]. Однако это добро должно устанавливаться относительно зла, а не наоборот: сначала следует выявить все виды зла, а не только те, которые очевидны и бросаются в глаза, а затем уже устанавливать каузальные связи между ними, чтобы обнаружить их конечный источник. Поверхностный подход к проблеме зла, считает Бадью, приводит к столь же поверхностным выводам относительно современного общественного устройства. Если рассматривать его через призму прав человека, то одни выступают в нем в качестве жертв, которых необходимо защищать, а другие – в роли

их благодетелей, причем исполнители этих ролей – одни и те же: роль защитника, совершающего цивилизующие вмешательства, неизменно исполняет хороший белый человек, Запад.

Чтобы оправдывать свое название, права человека должны носить универсальный характер и иметь одинаковый (то есть одинаково высокий) ценностный статус в различных культурах. На самом же деле ценностный статус прав человека в различных культурах различен, а западные политологи сами признают, что культурный империализм Запада подрывает устои остального мира, подчиняя мировосприятие людей других культур меркам западной рациональности, западной картины мира. Насколько правомерно стремление Запада сделать свои ценности критерием политической легитимности институтов в странах с другими культурными ценностями? Тем более что это имеет не только культурные [см.: Сен 2004], но и далекоидущие политические последствия. Суррогатная идеология прав человека претендует на то, чтобы стать универсальной, будучи в то же самое время субъективистской в том смысле, что права человека целиком выводятся из субъекта, существуют в качестве атрибутов человека как изолированного существа – дополитического и досоциального. В результате этого человечество предстает в виде совокупности индивидов, права которых стоят выше их гражданской идентичности, однако именно власть государств, гражданами которых они являются, обязана признавать и обеспечивать эти права. Ради защиты благопристойных «прав человека» в мирное время развязываются войны, ставятся на колени государства, убивают и калечат людей. Гуманитарные экспедиции, вмешательства, благотворительные высадки легионеров – это, пишет А. Бадью, не что иное, как варварство в терминах «прав человека» [Бадью 2006: 29]. «Нельзя отделаться от подозрения, – замечает в связи с этим Е. Л. Дубко, – что риторика прав человека служит некоторым образом для того, чтобы не видеть другого зла, кроме зла нарушения прав человека» [Дубко 2005: 688]. А Ю. Хабермас прямо пишет, что за идеологией прав человека очень часто стоят экономические интересы [Хабермас 2008: 22]. Идея прав человека, таким образом, превращается в инструмент навязывания Западом своей воли и наказания строптивых. И не только к различным видам зла Запад подходит избирательно, акцентируя внимание на одних видах зла и закрывая глаза на другие,

но и к объектам своей защиты. Трудно не заметить, например, что и у нас, и в других странах «правозащитники» защищают права отнюдь не самых обиженных властью, а «обиженных» властью проводников интересов Запада.

Литература

Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла. СПб. : Machina, 2006.

Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М. : ИОИ, 2015.

Дубко Е. Л. Политическая этика. М. : Академический Проект; Трикста, 2005.

Сен А. Развитие как свобода. М. : Новое изд-во, 2004.

Хабермас Ю. Расколотый Запад. М. : Весь мир, 2008.